

УДК: 904

DOI: 10.25629/НС.2023.02.02

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ОСНОВАНИЯ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ В XIV – XV ВВ.**Носов А.В.**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению одного из аспектов «монастырского возрождения» XIV–XV вв., а именно вопросу об определении начальной точки отсчета создания русского средневекового монастыря по житийным источникам. На базе русской агиографии критически разбирается концепция, отождествляющая возведение храма с основанием монастыря. Из всего объема житий основателей монастырей XIV–XV вв. автор выявил лишь несколько памятников, в которых появление обители ассоциируется именно с созданием церкви. Маловероятно, что эти известия отражают распространенную практику, они также не лежат в русле единой агиографической традиции.

Ключевые слова: церковь, агиография, «монастырское возрождение», основание монастыря, монашество.

В XIV–XV вв. наблюдается стремительное увеличение количества новых монастырей общежитийного типа. У истоков небывалого подъема русского монашества стоят Сергей Радонежский, основавший несколько обителей, его последователи и сонм иноков, подвизавшихся за пределами влияния Сергиевской традиции.

Исследование феномена русской «Северной Фиваиды», охватившего все сферы жизни человека Средневековья, почти непрерывно ведется с XIX в. Изучение «монастырского возрождения» XIV–XV вв. продолжает открывать новые проблемы и ракурсы исследований. В частности, до недавнего времени специально не рассматривался вопрос, с какого момента в эпоху русского Средневековья допустимо вести отсчет монастырской истории, – а именно когда, с точки зрения современников, появление обители считалось состоявшимся?

М.С. Серебрякова связывает основание новых киновий с появлением соборного храма, а также с определенной последовательностью действий: поселение основателя, строительство братских келий и возведение церкви. Среди них ключевую роль играл именно храм: «Дата освящения первой монастырской церкви должна считаться датой основания монастыря» [26, с. 36]. Эта точка зрения была обоснована исследователем на материале житий преподобных XIV–XV вв. [27, с. 35 – 36; 28, с. 19; 26, с. 186] и на летописных известиях [25, с. 4–84].

Недавно эта гипотеза была частично оспорена А.Е. Тарасовым, изучившего свидетельства о создании Иосифо-Волоцкого монастыря. Выводы исследователя говорят о неоднозначном восприятии формального отсчета монастырской истории со стороны книжников: агиографы начинают использовать понятия «обитель» и «монастырь», когда община обзаводится различными монастырскими постройками, однако они не указывают прямо, с какого момента начинается бытование монастыря [31, 168].

Мной была предпринята попытка рассмотреть данный вопрос на примере житий Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. В этих сочинениях основание нового монастыря представлено как длительный и сложный процесс, подразумевающий получение санкции церковных и (в отдельном случае) светских властей, собирание братии, строительство церкви и других зданий [16, с. 151–158].

Возведение храма представляет собой неотъемлемую часть процесса образования нового монастыря, «поскольку именно храм и его алтарь являются, по мысли агиографов, средото-

чием духовной жизни преподобного» [14, с. 186]. Средневековый монастырь мыслился образом «Нового Иерусалима», Небесного Царства на земле. Это находило отражение в архитектурной композиции обителей. Центральное место в монастырском ансамбле занимал собор. Он являлся смысловой и архитектурной доминантной обители [22, с. 66].

Однако источники нечасто описывают порядок создания монастыря. По летописям XI – XVI вв. М.С. Серебрякова выявила сведения об основании 14 % обителей (37 из 235) [25, с. 12]. При этом исследователь рассмотрела лишь 7 памятников агиографии. Среди них жития Кирилла, Ферапонта Белозерских, Сергия Радонежского (Троицкий, Киржачский, Андроников, Симонов, Голутвинский, Высоцкий монастыри), жития Пафнутия Боровского, Кассиана Учемского, Волоколамский патерик, а также Сказание о Спасо-Каменном монастыре.

Итак, разрешение вопроса о появлении монастыря в XIV–XV вв. требует пересмотра аргументации М.С. Серебряковой и привлечение более широкого круга агиографических источников. Важно выяснить, о чем свидетельствуют жития преподобных, не учтенные М.С. Серебряковой, в которых возведение церкви отождествляется с основанием монастыря. В результате возможно будет сделать вывод о наличии или отсутствии агиографической традиции, связывающей создание обители с появлением храма.

Обратимся к выводу исследователя еще раз: «[...] без церкви нет монастыря, а начало его связывается с благословением местного святителя, присланным от него и положенным на престол церкви антимином, т.е. освящением» [27, с. 36]. Однако далеко не всегда жития преподобных рассказывают о благословении архиерея на основание монастыря. Например, санкция епископа отсутствует в Житии Кирилла Белозерского, отмеченного в статье М.С. Серебряковой [6, с. 82; 27, с. 33].

Данная гипотеза также не учитывает необходимости урегулирования поземельных отношений до начала монастырского строительства. Этот сюжет нередко ускользает от внимания агиографов, однако в редких случаях наличие актового материала закрывает этот пробел. В житиях святых нечасто иллюстрируются поземельные отношения, относящиеся к начальной истории монастырей. В случае с обителями, возникающими на территории княжеских земель, мы имеем дело не только с благословением архиерея, но и с санкцией князя. Так, Стефан Махрицкий получил от великого князя Ивана Ивановича Красного земли для основания монастыря [19, л. 711]. Дионисий Глушицкий решил создать монастырь на пограничных землях между Кубено-Заозерским и Бохтюжским княжествами. Изначально он обратился к заозерскому князю Дмитрию, но князь Юрий Бохтюжский призвал прп. Дионисия к себе и сам предложил помощь, в том числе пожаловал иноку землю [1, с. 34]. Аналогично этой модели поземельные отношения регулировались и в Новгородской земле, где в качестве вотчинников выступали посадники – представители кончанских объединений бояр Новгорода. Перед основанием новгородских обителей будущие игумены просили посадников выделить земли под новый монастырь [15, с. 50–57]. Яркая картина получения санкции духовной и светской власти представлена в Житии Александра Ошевенского [3, 243–245; 23, с. 30–31]. Поэтому создание не только монастыря, но и церкви не мыслилось без получения владельческих прав на землю.

Разберем житийное описание создания Ферапонтова монастыря для наглядной иллюстрации неоднозначности представлений об этом событии в историографии.

М.Н. Шаромазов предложил свой вариант разбора свидетельств Жития прп. Ферапонта об основании монастыря в качестве контраргумента гипотезе М.С. Серебряковой. Он отмечает, что памятник агиографии не позволяет судить о появлении обители с приходом монахов к преподобному. Так, в отличие от Жития Кирилла Белозерского, здесь не говорится даже о монашеском пострижении приходящих людей, что можно было бы интерпретировать как складывание иноческой общины [32, с. 28]. Действительно, в Житии прп. Ферапонта нет информации о постригах, однако прямо говорится о собирании братии (т.е. о вероятном приходе именно монахов) до возведения церкви: «[...] святыи начати и ины кѣлиа поставляти, понеже

и братия уже начаша събиратися». Пришедшие к прп. Ферапонту иноки «понудиша его церковь въздвигнути», в свою очередь подвижник испросил «благословение от святителя, постави церковь» и украсил ее иконами и книгами [11, с. 212].

На данном этапе агиограф не называет создаваемую общину иноков монастырем. По наблюдению М.Н. Шаромазова, после строительства храма прп. Ферапонт духовно окормлял приходящих к нему, обустроивал жизнь на берегу озера, но монастырь все еще не было [32, с. 29]. Тем не менее, в Житии усматриваются косвенные данные об умножении братии. Среди приходящих были люди, желавшие «съжителствовати» с преподобным. Прп. Ферапонт принимал их и почитал «аки отца и братию», а они чтили его «аки отца и наставника» и во всем повиновались [11, с. 214]. Примечательно, что число поселившихся рядом с Ферапонтом Белозерским со временем пополнил иннок в священническом сане. С этого момента в церкви стали служить литургию и совершать монашеские постриги, но Житие по-прежнему не указывает на появление монастыря [11, с. 214].

М.Н. Шаромазов справедливо видит окончательное учреждение обители в поставлении игумена (т.е. уже после освящения храма) [32, с. 29–30]. Тогда агиограф впервые называет иноческую общину монастырем: «Такоже посем помощью Божию и игумена въ своей обители поставиши и прочаа вся по чину монастырскому сътворяют» [11, с. 218]. Парадоксально, но перед этим известием Житие приводит характерные признаки быта, характерного для киновий: упоминаются монастырский устав и послушания, а также появление общей трапезной [11, с. 216]. Все это указывает на высокое значение фигуры прп. Ферапонта – родоначальника иноческой общины, который взял на себя функции игумена по управлению общиной и наставлению братии еще до официального появления настоятеля. Однако сам преподобный не имел священного сана и не стал игуменом монастыря [32, с. 30; 29, с. 99, 103].

Таким образом, Житие Ферапонта Белозерского не связывает появление монастыря лишь с возведением храма. Основание обители представлено в памятнике как длительный и много-составный процесс.

Следует вернуться к отдельным памятникам, рассмотренных М.С. Серебряковой, для уточнения свидетельств источников об основании монастырей.

В Житии Сергия Радонежского приводится несколько рассказов о строительстве новых монастырей самим преподобным или его учениками. В житийном повествовании об основании Киржачского монастыря преподобный просит у митрополита Алексия благословение на основание храма без указания на перспективу появления обители. Иноки начинают приходить к прп. Сергию уже после получения благословения и именно тогда впервые говорится о трудах над монастырским строительством «иноци же и белци, ови келиа зиждушеи, инии же ина потребнаа монастырю...» [9, с. 364]. Хотя М.С. Серебрякова не поясняет детали этого известия, заметим, что здесь речь идет не о собирании иноков, а об их трудах над богоугодным делом, а значит, этот пример действительно соотносится с концепцией отождествления появления храма с созданием обители.

Примечателен рассказ о появлении Андроникова монастыря. Митрополит Алексей и Андроник, ученик прп. Сергия, обрели подходящее место на берегу р. Яузы. Затем «первее създана бысть церкви в лепоту... Вручив же [митрополит] старейшинство предреченному Андроник, и вся елика на потребу монастырская строения дарова ему; и тако общежитие съставляется» [10, с. 366]. В первую очередь был возведен храм, далее созидание обители продолжилось. Но последняя фраза о составлении общежития позволяет видеть в основе обители именно храм. Наречие «так» специально подчеркивает, что именно появление церкви знаменует создание монастыря. Аналогичным образом Житие Сергия Радонежского повествует об основании Симонова монастыря [9, с. 367].

В Житии Кирилла Белозерского ясно описана картина постепенного группирования монахов близ отшельнической кельи Кирилла Белозерского, начиная с прихода двух симоновских иноков – Зеведея и Дионисия [6, с. 78–80]. Вместе они оказались перед острой необходимостью в появлении храма: «Но понеже убо братиам тогда с святым суще, нужда бысть церковь въздвигнути

ради общаго събраниа» [6, с. 82]. Житие действительно связывает появление монастыря с возведением храма – следом за упоминанием церковного строительства говорится: «[...] яко церковь поставлена бысть, и обитель хоцеть умножитися...» [6, с. 82]. И далее памятник стабильно имеет иноческую общину монастыря. Следующая по хронологии Краткая редакция Жития также ставит в зависимость создание монастыря от строительства церкви [13, с. 50].

Автором этих строк были исследованы свидетельства Пахомиевой и Краткой редакции Жития прп. Кирилла. В результате было показано, что для Пахомия Логофета (с известными оговорками, и для самого прп. Кирилла) перспектива создания новой обители на Белоозере была неминуема [17, с. 86–88]. А значит, возведение храма было одной из составных частей монастырского строительства, но по каким-то причинам сербский книжник не стал описывать этот процесс полностью.

В одном из рукописных сборников Кирилла Белозерского начала XV в. содержится рисунок, приписываемый самому прп. Кириллу, который отражает прямоугольный план монастыря. Согласно мнению Г.М. Прохорова, это план скита, который изначально был устроен прп. Кириллом и лишь со временем перестроился в киновию [33, с. 19–28]. С.А. Семячко справедливо соглашается с тем, что на рисунке изображен именно план, но полагает, что он отражает как раз монастырское общежитие [24, с. 450–453]. Действительно, кельи, впадную примыкающие друг к другу и выстроенные вокруг храма, пристроенная к ним трапезная, а также некоторые хозяйственные постройки у берега озера, никак не могут свидетельствовать в пользу скитского устройства. Все это говорит именно о киновийном характере обители.

План монастыря и внимание агиографа к уставу прп. Кирилла не соотносятся с отсутствием деталей основания монастыря. Думается, соответствие Жития прп. Кирилла схеме «храм = монастырь» обязано именно этой лакуне.

М.С. Серебрякова приводит фрагмент из Сказания о Спасо-Каменном монастыре без каких-либо пояснений, поэтому необходимо остановиться на этом примере. Свидетельства Сказания особенно примечательны, поскольку они включены в нетипичную сюжетную схему повествования о создании монастыря. На Кубенском озере подвизались отшельники, молившиеся в часовне. Паисий Ярославов подчеркнул, что для строительства храма и монастыря необходимы немалые материальные средства: «Церкви же у них не бысть за скудость имѣния...» Князь Глеб Борисович инициировал создание монастыря по обету, который он дал во время бури на Кубенском озере. Он даровал щедрую милостыню на строительство обители и «повеле поставити церковь дрѣвяну во имя [...] Преображения, украсив иконами и книгами, и монастырь устрой». Следом агиограф сообщает о поставлении игумена Феодора [30, с. 33–34]. Сохранение прежних иноков или преумножение новых монахов в обители не уточняется, как и санкция архиерея и наличие комплекса монастырских построек.

В Отдельной редакции Жития Пафнутия Боровского начало монастыря связывается с появлением храма. Однако необходимо заметить, что инициатором церковного строительства, согласно традиционному житийному мотиву, выступает братия, собравшаяся вокруг преподобного. Немаловажно, что храм освятил, вероятно, Пафнутий Боровский. В Житии говорится, что церковь была освящена «повелением преосвященного митрополита Ионы» [7, с. 25] (в статье М.С. Серебряковой цитата искажена – в частности, вместо «повелением» читается «благословением» [26, с. 35]). Также Житие не называет монашескую общину обителью сразу после появления церкви, однако связь этого события с созданием монастыря ясно прослеживается в заголовке данного рассказа: «О зачатѣ обители преподобнаго отца нашего Пафнотия» [7, с. 25].

Теперь обратимся к изучению житий, не учтенных М.С. Серебряковой.

Согласно Житию Димитрия Прилуцкого, преподобный основал два монастыря. В ходе создания первой обители, в Переяславле, прп. Димитрий «церковь постави во имя святаго чудотворца Николы и общее житие устрой», в то время как иноки приходят к нему уже после появления монастыря [4, с. 74–75]. Затем Димитрий Прилуцкий со своим учеником Пахомием стал подвизаться отшельником и пришел на реку Лезу, где поставил «церковь малу» [4, с. 79],

однако не суждено было случиться монастырскому строительству из-за агрессии местных жителей. Тогда прп. Димитрий избрал «на составление обители» место на Прилуке близ Вологды. Местное население активно помогало преподобному. Здесь агиограф сближает появление церкви со строительством монастыря: «[...] несущи коиждо по силе: инь имѣние, овъ древесна, овъ потрѣбнаа, яже суть угодна святей церкви и на строение обители». Как и в Переяславле, появление монастыря ассоциируется с возведением храма, все это происходит до собирания братии: «[...] въскоре поставлена бысть велика церковь [...], и [Димитрий – А.Н.] обитель великую состави, и братиа и иноци отовсюду снисдошася к нему, и общее житие устрои» [4, с. 81]. В других редакциях Жития образование монастыря описано идентично [20, с. 102, 116, 129].

В Житии Дионисия Глушицкого описывается основание Пельшемского монастыря его учеником, прп. Григорием. В данном эпизоде говорится только о строительстве церкви и введении общежитийного устава в новой обители: «[...] създа церковь [...] и общежитие съставляеть...». Это известие не укладывается в «полный сценарий» основания монастыря, ярко представленный в житийных сюжетах о строительстве других обителей [16, с. 153–156]. Думается, этот эпизод был намеренно сокращен агиографом, тем более, что он лишь опосредованно связан с главным героем повествования.

Житие Сергия Нуромского приводит несколько коротких рассказов о Павле Обнорском, в которых всячески подчеркивается не только собеседничество прпп. Сергия и Павла, но и более высокий духовный опыт прп. Сергия, а также его иерархическое положение, поскольку он был игуменом монастыря, когда прп. Павел оставался отшельником. Сергей Нуромский регулярно причащал Павла Обнорского, последний приходил в Спасо-Нуромский монастырь за духовной поддержкой во время бесовских наваждений [8, с. 158–160]. В Житии также приводится краткое сообщение о создании Троице-Обнорского монастыря. Прп. Павел поведал Сергию Нуромскому о чудесном знамении на месте будущей обители. Тогда прп. Сергей объяснил ему, что Богу было угодно появление на том месте монастыря в честь Св. Троицы. Далее Житие прп. Сергия приводит схему основания монастыря: «[...] начать преподобныи Павелъ братию приимати и строити монастырь, и воздвиже церковь на том мѣстѣ, идѣже свѣтъ видѣ...» [8, с. 159–160]. Здесь не упоминаются кельи и другие постройки кроме церкви, хотя их наличие косвенно подразумевается.

В Житии Саввы Вишерского процесс создания обители имеет уникальную схему. Когда прп. Савва поселился на берегу р. Сосницы, об этом дошел слух до Новгородского архиепископа Иоанна. Он отправил к прп. Савве своего посланника с вопросом: «Како здѣ смѣль еси сѣсти, на мѣсте семь безъ благословения и обавления архиепископа?» Житие Саввы Вишерского – единственный памятник, указывающий на прямую необходимость получения архиерейского благословения на пустынножительство в пределах той или иной епархии. Владыка Иоанн пожелал лично узнать про жизнь отшельника и отправился к нему. Архиепископ был поражен подвижничеством преподобного, и он «великую вѣру стяжа ко блаженному Савѣ», а также присылал ему нечто потребное. Е.В. Романенко полагает, что архиерей благословил его на создание монастыря, но в тексте памятника об этом не говорится, но, вероятно, подразумевается [22, с. 29]. Далее агиограф сообщает, что преподобный начал «келии здати в покои братиами», хотя прежде в Житии не говорилось о собирании братии и о желании прп. Саввы основать обитель [18, л. 373 об. – 374].

В сюжете о создании монастыря упоминается старец Ефрем, отправленный в Новгород Саввой Вишерским для решения земельных споров с Лисицким монастырем. Поэтому можно полагать, что на тот момент вместе с прп. Саввой проживали и другие монахи. Около 1418 г. [21, с. 236–237] Ефрем обратился к посадникам и тысяцким Славенского конца с просьбой пожаловать земли у р. Вишеры для монастырского строительства [18, л. 374 об.]. Получается, что архиепископ будто бы не участвовал в создании монастыря, и определяющее значение в этом деле имела воля политической элиты Славенского конца Великого Новгорода [2, с. 172].

Получив земельные владения, Савва Вишерский приступил к монастырскому строительству «и келии бо водрузивъ, прочее и церковь помысливъ воздвигнути...» Вскоре храм был достроен, и Вишерский монастырь продолжил пополняться новыми иноками [18, л. 375]. Итак,

в Житии прп. Саввы появление церкви ассоциируется с созданием обители и дважды говорится о строительстве келий. Вероятно, второе упоминание можно объяснить увеличением числа иноков. Появление храма не сопровождается сведениями об архиерейском благословении на его строительство и его освящении. Также Житие умалчивает возведение других монастырских построек.

Согласно Житию Евфросина Псковского, Бог вложил отшельнику помысел «в пустыни той составити общий монастырь», когда вокруг него стала собираться братия. Иноки просили святого возвести храм, и он «повеле устроить им церковь». Далее Житие лишь отмечает, что инокам не хватало места для келий, и они начали просить Евфросина Псковского перенести «обитель на ино место» [65, с. 159–160]. Все это свидетельствует о том, что агиограф Варлаам соотносил основание обители с появлением храма. Более никаких деталей о монастырском строительстве в памятнике не приводится.

В Краткой редакции Жития Паисия Угличского основание монастыря связывается исключительно с появлением церкви. Преподобный не подвизался на месте будущей обители. По повелению князя Андрея Большого он сразу же «начат строити монастырь и воздвиге церковь каму ...», рядом он соорудил келью, в которой предался безмолвию [12, с. 178]. Не следует воспринимать этот пример в качестве вероятной практики монастырского строительства (литературной или же действительной). Агиограф явно спутал составные части данного сюжета, поскольку создание пригородной обители для одного инока, решившего совершать подвиг безмолвия, кажется взаимоисключающим явлением. Следом памятник сообщает о собирании братии в новом монастыре и пожаловании вотчин, но в нем до сих пор не было игумена. Агиограф свидетельствует, что Андрей Васильевич «нудяше его [Паисия – А.Н.] быти игуменом в монастырь томъ» [12, с. 178]. Все это также показывает смешение событий монастырского строительства в житийном повествовании.

В ходе исследования русской агиографии мной также были выявлены случаи строительства церкви сразу после вселения отшельника в пустынное место. Данные немногочисленные известия требуют самостоятельного рассмотрения после определения основных «сценариев» основания монастырей и их детального изучения.

Итак, в рамках настоящего исследования было показано, что появление церкви отождествляется с основанием монастыря в небольшом количестве житий преподобных XIV–XV вв. Возведение храма безоговорочно подразумевает основание обители подразумевается лишь в трех эпизодах Жития Сергия Радонежского. В сюжетах житий Димитрия Прилуцкого, Пафнутия Боровского, Дионисия Глушицкого, Сергия Нуромского, Саввы Вишерского, Евфросина Псковского и Паисия Угличского строительство церкви приобретает ключевое значение и ассоциируется с появлением монастыря. В то же время удалось доказать неоднозначность гипотезы М.С. Серебряковой. В частности, Житие Ферапонта Белозерского, лежащее в основе ее концепции, в действительности формирует образ создания обители как долгий и сложный процесс.

Случаи соотнесения появления церкви с созданием обители представлены в агиографии произвольно. В их числе троицкие, волоколамские, вологодские, псковские и новгородские книжники XV – XVII вв. Поэтому нельзя возвести эти свидетельства к определенной агиографической традиции (будь то региональная литературная «школа» или традиция текстовых заимствований). В той же степени нет оснований видеть в них отражение распространенной практики основания монастыря.

Библиография

1. Башнин Н.В. Дионисий Глушицкий: черты к портрету древнерусского святого // Вестник РУДН. Серия История России 2009. № 5.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
3. Житие Александра Ошевского // Пигин А.В. Пространная редакция Жития Александра Ошевского // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3.

4. Житие Димитрия Прилуцкого (Минейная редакция) // Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2003.
5. Житие Евфросина Псковского // Охотникова В.И. Псковская агиография XIV – XVII вв. (исследования и тексты). СПб., 2007. Т. 2.
6. Житие Кирилла Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г.М. Прохоров. СПб., 1994.
7. Житие Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным / Изд. А.П. Кадлубовский. Нежин, 1898.
8. Житие Сергия Нуромского // Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2005.
9. Житие Сергия Радонежского (Первая Пахомиевская редакция) // Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М., 1998.
10. Житие Сергия Радонежского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6.
11. Житие Ферапонта Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г.М. Прохоров. СПб., 1994.
12. Краткая редакция Жития Паисия Угличского // Сосновцева Е.Г. Житие Паисия Угличского: Исследование и тексты. М., 2020.
13. Краткое Житие Кирилла Белозерского // Карбасова Т.Б., Шевченко Е.Э. Краткое Житие Кирилла Белозерского // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014.
14. Кузьмина М.К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М., 2017.
15. Носов А.В. Агиографы XV – XVII вв. об участии новгородских посадников в основании общежительных монастырей // Материалы IV Научных чтений памяти профессора В.А. Плугина. История России, русской культуры и русской церкви в IX–XVIII столетиях / М., 2022.
16. Носов А.В. Жития Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского об основании новых монастырей // История и культура Ростовской земли. 2020. Ростов, 2021.
17. Носов А.В. Кирилл Белозерский в Симоновом монастыре: штрихи к биографии святого // Восстанет цесарь в опустевшей земле: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. СПб., 2020.
18. ОР РГБ. Ф. 173.1. № 12 (15).
19. ОР РГБ. Ф. 304.1. № 692.
20. Преподобный Димитрий Прилуцкий. Житие и Служба / Изд. подгот. С.А. Семячко, Ф.В. Панченко. Вологда, 2018.
21. ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.
22. Романенко Е.В. Основатели монастырей на Руси: их социальный и образовательный статус (XIV–XVII вв.) // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М., 2020.
23. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.
24. Семячко С.А. Устав преподобного Кирилла Белозерского и его отражение в письменных памятниках // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60.
25. Серебрякова М.С. Древнерусские летописи об основании монастырей XI–XVI вв. // Ферапонтовские чтения 2004–2006 гг. Вып. 1. Сборник исследовательских работ. Вологда, 2007.
26. Серебрякова М.С. Житие преподобных Кирилла и Ферапонта как исторический источник сведений об основании Белозерских монастырей // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57.

27. Серебрякова М.С. О дате основания Ферапонтова монастыря // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001.
28. Серебрякова М.С. О начале Кириллова и Ферапонтова монастырей // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5
29. Серебрякова М.С. Письменные источники об игуменах Ферапонтова монастыря XV–XVIII вв. // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2001. Вып. 7.
30. Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Святые подвижники Русского Севера. СПб., 2005.
31. Тарасов А.Е. Иосифо-Волоколамский монастырь и проблема основания русских обителей в XV веке // Novogardia. № 4. 2019. URL: <http://www.novogardia.info/index.php/1k/article/view/145/138#> (дата обращения: 11.01.2021).
32. Шаромазов М.Н. Антиминс 1409 года из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника и начальный период истории Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. М., 2002. Вып. VI.
33. Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского: Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред.: Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

ABOUT ONE ASPECT OF THE FOUNDATION OF RUSSIAN MONASTERIES IN THE 14 – 15TH CENTURIES

Nosov A.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article is devoted to the study of one of the aspects of the “monastic revival” of the 14–15th centuries, namely, the question of determining the starting point of the creation of a Russian medieval monastery based on hagiographic sources. On the basis of Russian hagiography, the concept identifying the construction of a church with the foundation of a monastery is critically analyzed. Of the entire volume of the lives of the founders of the monasteries of the 14 – 15th centuries, the author has identified only a few monuments in which the appearance of the monastery is associated with the creation of the church. It is unlikely that these news reflect a common practice, they also don't lie in line with a single hagiographic tradition.

Keywords: church, hagiography, “monastic revival”, foundation of the monastery, monasticism.